

*Мы играли вам на свирели, и вы не плясали;
мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали.*
Мф. 11: 17

Введение

Появившись на Руси вместе с христианством, жанр притчи оказал огромное влияние на всю систему средневековой литературы, притчевые принципы повествования пронизывают самые разнообразные произведения раннего времени. Однако он долго не привлекал внимания исследователей. Сведения о притче в русской филологии можно было встретить лишь в справочных изданиях (типа «Краткой литературной энциклопедии»), долгое время исследователи опирались лишь на старую статью С. Добротворского¹. Широкий интерес к жанру притчи возник в литературной критике в 1970-х гг., когда вопрос об использовании ее методов и возможностей стал все чаще подниматься в связи с современным литературным процессом, требуя выхода и в историю литературы. О притче писали и пишут, анализируя творчество Виктора Астафьева и Карела Чапека, Василя Быкова и Михаила Пришвина, Габриеля Гарсиа Маркеса и Валентина Распутина, Александра Сергеевича Пушкина и Николая Гумилева — список этот можно продолжать почти бесконечно. Таким образом, притча оказывается важнейшим жанром для двух эпох в истории русской литературы: самой ранней (средневековой) и новейшей (XX–XXI вв.).

Понятия притчевость и притча прочно вошли в литературно-критическую терминологию, отражая как увлеченность исследователей новой сферой художественного анализа, так и определенную моду, охватившую широкий круг авторов и поставившую рядом часто несовместимые явления. Притчей могли назвать любое произведение, отличающееся символичностью, иносказанием, философской направленностью — чертами, характерными не для одного какого-либо жанра, а для художественного творчества в целом.

Связано это в первую очередь с неизученностью жанра притчи. Вопрос о его истории в русской литературе, его разновидностях и вариантах лишь теперь начинает разрабатываться. Особенно важно исследование притчи в древнерусской литературе, поскольку, с одной

¹ *Добротворский С.* Притча в древнерусской духовной письменности // Православный собеседник. 1864. № 3 (март).

стороны, именно там наиболее ярко проявляются черты, характеризующие жанровую специфику притчи, а параболичность пронизывает большинство древнерусских текстов; с другой стороны, только через «классическую» — средневековую — притчу можно понять специфику этого жанра в Новое время.

На первых порах под словом «притча» подразумевались самые разные типы текста; им обозначались памятники, разнесенные в наше время по разным жанрам: пословицы, афоризмы, загадки, басни, апофегмы и собственно притчи. Связано это, по-видимому, с генезисом притчи. Она пришла в русскую литературу с христианской письменностью, с первыми переводами текстов Священного Писания, где существует в двух видах: притча-сентенция — в основном в Ветхом Завете (книги Притч Соломоновых, Екклесиаст и т.п.), и притча-наррация — прежде всего в Евангелии². Оба вида, имеющих в источнике разные наименования, при переводе были обозначены одним словом — «притча». Вместе с противоречивым термином исконным оказалось и противоречивое представление о сути жанра.

Многозначность и расширительность литературоведческого термина была заложена еще в древнейшие времена как первыми его употреблениями в переводных памятниках, так и традицией славянских языков. Однако стоит обратить внимание на то, что при всем разбросе значений одно из них отмечено всеми словарями (как современного русского языка, так и древнерусского): это «случай», который М. Фасмер связывает с исконным прасловом³. Это значение сохранилось до сих пор в поговорках типа «эка притча приключилась». По-видимому, этот смысл важен и для понимания литературоведческого термина: притча — это рассказ о некоем случае, из которого следует определенный вывод.

Анализ термина в библейских книгах показывает, что, в отличие от «размытого» понятия притчи в текстах Ветхого Завета, новозаветная притча приобретает очень четкие границы; в Новом Завете это слово встречается исключительно в Евангелиях и лишь для обозначения особого жанра проповеди. Сами Евангелия родились в тот период, когда потребовалось зафиксировать на письме слова и деяния Иисуса: «Забота о том, чтобы после смерти видевших и слышавших Иисуса предание не подверглось искажению и было сохранено, породила ли-

² Мало того: тем же словом передавались такие понятия, как «загадка», «пример», «образец», «задача», «задание» (см.: Словоуказатель к тексту «Повести о Варлааме и Иоасафе», памятника древнерусской переводной литературы XI–XII вв. Л., 1988).

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973. Т. 3. М., 1971. С. 368.

тературу Евангелий»⁴. Евангельская притча произносится самим Христом, и поэтому ее можно расценивать как авторскую, не подлежащую каким-либо изменениям. Именно так ее воспринимали средневековые писатели и редакторы.

Притча в основе своей имеет устное происхождение. Это напрямую отражено в Евангелиях, где притча всегда рассказывается; но это общая черта притчи и родственной ей басни, в основе которых, по мысли М.Л. Гаспарова, всегда лежит «пример — простейшая форма аргументации в обычной разговорной речи»⁵.

Сходным образом И.Ш. Левин пишет о происхождении басни: «...в основе басни лежит определенная речевая ситуация сходного значения... Из обычной беседы басня выделяется определенным началом и концом: повторяясь, устойчивая часть поучительной беседы приобрела самостоятельность и, подчиняясь определенным требованиям формы, превратилась в произведение словесности. Наличие формы позволяет произведению выйти за рамки конкретной ситуации и продолжить свой путь в искусстве слова»⁶.

Таким образом, элемент беседы с течением времени превращается в самостоятельное творение изящной словесности. Эти исходные значения сохранились в латинском термине *exemplum* («пример»), переводимом в русско-украинских текстах как «приклад» (от польского *przyklad* — «пример»). *Exempla*, как известно, представляют особый жанр рассказов, используемых в проповеди в качестве примера — т.е. так же, как притча в ее классических древнейших образцах — в Евангелии, в «Повести о Варлааме и Иоасафе».

Наиболее общее определение притчи было дано С.С. Аверинцевым: «Притча — дидактико-аллегорический жанр, в основных чертах близкий басне»; она «неспособна к обособленному существованию» (вне контекста), «допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого сравнения, сохраняющего... символическую наполненность», тяготеет к религиозной или моралистической глубинной «премудрости», с чем связана ее возвышенная топка⁷. Эта характеристика точна лишь для библейской или евангельской притчи. Обращение к конкретной истории жанра в русской

⁴ Хосроев А.Л. Александрийское христианство по данным текстов из Наг Хаммади. М., 1991. С. 12.

⁵ Гаспаров М.Л. Басни Эзопа // Басни Эзопа. М., 1968. С. 241.

⁶ Левин И. Введение // Свод таджикского фольклора. Т. 1: Басни сказки о животных. М., 1981. С. 24.

⁷ Аверинцев С.С. Притча // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. Стб. 20.

литературе выявляет и существование отдельных притч вне первоначального контекста, и нередкое отсутствие «возвышенной топики».

Специфику притчи именно в древнерусской литературе отмечал Н.И. Прокофьев: «Притча — это малый повествовательный жанр, в котором абстрагированное обобщение носит назидательный характер и моральное или религиозное наставление»⁸.

Ряд положений Н.И. Прокофьева оспаривает наблюдения С.С. Аверинцева. По мысли исследователя, «в притче, в отличие от видений, знамений, чудес, таинственности, нет ничего чудесного, она проста, а назидательность ее определена. Ее аллегория или сама раскрывает себя, или раскрывается повествователем, но раскрывается так, что устраняются какие-либо различные толкования ее смысла»; цель притчи — «абстрагировать до широких житейских обобщений и конкретизировать в символах или аллегориях жизненные явления»⁹.

В древнерусской литературе можно выделить два основных типа текста с этим названием — притчу-сентенцию (паремию) и сюжетную притчу (параболу).

Притча-наррация (парабола), имеющая устное происхождение в восточных литературах, для древнейшей русской словесности, известной нам в фольклорных образцах, не характерна; лишь с принятием христианства этот жанр был заимствован («трансплантирован», по терминологии Д.С. Лихачева) русской литературой и создавался в письменном виде по примерам и образцам. Особая роль здесь принадлежит Евангелию. С самого начала оно явилось не только «основой религиозно-нравственного христианского учения, источником „божественной мудрости“», но и «образцом литературным, арсеналом художественных средств»¹⁰. Непреходящее значение Евангелия как литературного феномена — в его «вечности»: оно было и остается идеалом как для Средневековья, так и для литературы Нового времени.

Именно евангельская притча стала основным примером при создании древнерусского жанра параболы, именно за ней сохранилось до сих пор используемое терминологическое определение «притча». В текстах, созданных по ветхозаветному образцу, этот термин постепенно был вытеснен другими — «пословица», «присловье», «загадка». Осознание различий двух типов притчи начинается только в XVI в.

⁸ Прокофьев Н.И. «Прелесть простоты и вымысла» // Древнерусская притча / Сост. Н.И. Прокофьев, Л.И. Алехина. М., 1991. С. 6.

⁹ Там же. С. 16.

¹⁰ Кусков В.В. Жанры и стили древнерусской литературы XI–XIII вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. С. 9.

Будучи важнейшим и недосыгаемым для простого человека образцом, евангельская притча вплоть до XVII столетия не подвергалась каким-либо переделкам, реминисценциям, редактированию. Ее могли только цитировать и толковать, для чего существовала особая «литература толкований» — учительные и толковые Евангелия, известные на Руси уже в XII–XIII вв. Мало того: евангельская притча никогда не существовала вне евангельского контекста.

Между тем освоение нового жанра, как правило, начинается с переработки существующих образцов, и эту функцию взяла на себя «Повесть о Варлааме и Иоасафе». Пять притч из нее уже в XII в. были включены в состав древнейшей редакции русского Пролога¹¹ и стали постоянным элементом этого сборника. Для выборки был использован именно русский перевод «Повести»¹², и почти все они несут следы обработки русским автором: по наблюдениям И.Н. Лебедевой, в них сокращены тексты и изменены или дописаны толкования¹³.

Отношение к притчам Варлаама было более свободным, и почти сразу после своего появления они начинают перерабатываться. Помимо редактирования их при включении в Пролог, о чем упоминалось выше, можно говорить о появлении тогда же русских подражаний им. Так, уже в XII в. в Прологе под 24 ноября читается «Слово притьца... о еретицех и идолослужителех»¹⁴, написанное именем Варлаама и не встречающееся ни в одной из разноязычных версий этого романа, что позволяет предположить здесь творчество русского автора¹⁵. Надписание русского текста именем Варлаама свидетельствует о его авторитетности — это традиционный для Средневековья прием придания значимости новому сочинению¹⁶.

Собственно авторская русская притча впервые появляется в XVI в. Именно к этому времени относятся наиболее ранние писательские высказывания по поводу притчи, обнаруженные Н.С. Демковой. В своей работе, посвященной «Повести о Петре и Февронии», она приводит как высказывания об иносказании Ермолая-Еразма, требующего от книжника видеть в тексте не букву, а смысл («Не единым бо очным зрением или языка соглаголением книгочий, но пространством ума,

¹¹ См.: РНБ, Софийское собр., № 1324 (конец XII–XIII в.).

¹² Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII веков / Подгот. текста, исслед. и коммент. И.Н. Лебедевой. Л., 1985. С. 85.

¹³ Там же. С. 72–85.

¹⁴ См.: РНБ, Софийское собр., № 1324.

¹⁵ См.: Повесть о Варлааме и Иоасафе. С. 72–85.

¹⁶ *Аверинцев С.С.* Авторство и авторитет // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 105–125.

еже мыслями разумными сведете глубины»¹⁷), так и извинительные формулы агиографов XVI в., где выражение «решать притчи» начинает делаться общим местом: «...извития словесем не вем, ни решения притчам навыхох, ни от философов учихся, грамматики же риторики никогда же не прочитах»¹⁸ (курсив наш. — *Е.Р.*). Притча приобретает особое значение для индивидуального творчества ведущих писателей. Она отмечается, в частности, среди произведений Максима Грека, Ивана Пересветова, Ермолая-Еразма. По наблюдениям Н.С. Демковой, понимание притчи как иносказания «приобретает характер приметы времени»¹⁹. Одним из виднейших создателей притчи в XVI в. был Максим Грек. В его притчах, сочиненных по иным принципам, чем параболические структуры из «Повести о Варлааме и Иоасафе», прослеживаются еще и энциклопедическая образованность автора, и стремление просветить нового для него — русского — читателя. Ярче всего это видно в рассказе о птице неясыти. Можно говорить о своеобразном «прорыве» притчи в XVI в. В этот период появляется притча не только авторская, но и массовая, на любые сюжеты: толкование имен, годовая хронология, «О семи степенях человеческого естества», о строении псалтыри, об истории грехопадения Адама и т.п. Происхождение этих произведений может быть самым разнообразным. Так, статья «Предисловие имени кождо человека, иже от притчи, или от вещи» ведет свое начало от вступления к «Азбуковнику», созданного Нилом Курлятевым²⁰, а «Притча о царе-годе» является ядром большого комплекса статей, известного под названием «Предисловие к святым» и имеющего в своей основе перевод восьмой главы из трактата французского епископа XIII в. Гийома Дюрана «*Rationale divinoꝝ officioꝝ*»²¹.

С переходом в лубок «Притча о царе-годе», как и сочинения о возрастах человеческой жизни, о сути Псалтыри и т.п., составили иную — полуфольклорную — традицию жанра, отличную от высокой философской и публицистической литературы. Но и для нее главным является аллегория, иносказание. Форма притчи, несомненно, использована здесь не только как художественное средство, но и в учитель-

¹⁷ Демкова Н.С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 89.

¹⁸ Там же. С. 94.

¹⁹ Там же. С. 88.

²⁰ Ромодановская Е.К. К вопросу о поэтике имени в древнерусской литературе // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 3–8.

²¹ См.: Бенешевич В.Н. Из истории переводной литературы в Новгороде // Изв. Отд-ния русского яз. и словесности АН. 1928. Т. 101, № 3. С. 378–380.

ных целях — для лучшего усвоения знаний. Недаром и в этом тексте перед началом толкования читается своеобразная похвала притче: «Разумейте же, братие, притчи сея вину и познайте, причиюще в грубия моя стихи, и уведите, что глаголет. И великаго Бога помощию открыется разум чтущим ея, и благодатию Его просветится ум к познанию истину сея»²².

«Прорыв» притчи в XVI в. вполне закономерен. К его началу у восточных славян начинается активная работа по созданию полного библейского кодекса. В 1490-х гг. в кружке при новгородском архиепископе Геннадии переводятся с латыни отсутствовавшие в русской рукописной традиции библейские книги и по образцу Вульгаты формируется и распространяется русская Библия²³. Вскоре после этого начинает работу по переводу Библии Франциск Скорина — первые его четыре книги были опубликованы в Праге в 1517 г., среди них была и Книга Притчей Соломоновых.

В процессе работы над переводом библейских книг естественным образом возник чисто филологический интерес к их тексту. Одним из первых проявлений филологического подхода явились печатные высказывания о жанре притчи в предисловиях к библейским книгам Франциска Скорины — предисловиях, написанных, как известно, им самим и потому справедливо издающихся под его именем²⁴.

Собственно жанровые определения Скорины вполне соотносятся с современными. О притчах он пишет: «Иными словами всегда иную мудрость и науку знаменуют, а иначе ся разумуют, нежели молвены бывають, и болши к себе сокритых тайн замыкають, нежели ся словами пишуць»²⁵. В приведенной формуле определяется важнейший принцип притчи — иносказание, аллегория — те наиболее существенные черты жанра, которые и теперь подчеркиваются при его характеристике. Ср. определение С.С Аверинцева — «дидактико-аллегорический жанр, в основных чертах близкий басне»²⁶.

Однако только формулировкой Скорина не ограничивается. Он отмечает разновидности притчи, указывая, что в первой части книги они предназначены для юношества («яко бы отец сына научая мудрости, разума, умения, страха Божия и иных добрых нравов»), во второй —

²² РНБ, собр. Погодина, № 1583, л. 199.

²³ См.: *Ромодановская В.А.* Геннадиевская библия 1499 г. в русской рукописной традиции XV–XVII вв. (латинские источники): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.

²⁴ *Скарына Ф.* Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоу, акафісты, пасхалія. Мінск, 1990.

²⁵ Там же. С. 21.

²⁶ *Аверинцев С.С.* Притча.

«разноличные», где «едина каждая притча особливую речь в себе замыкает, добрую и злую, не имеючи жадиного взгляду к задней или ко передней притчи»; наконец, в третьей части помещаются самые сложные: «Сия же останочная часть сокрытей в притчах пишеть, нежели преднии две»²⁷.

Предисловие Скорины представляет едва ли не самый ранний в восточнославянской филологии опыт литературоведческого исследования притчи, где охарактеризованы такие важнейшие черты жанра, как его название, предназначение, сфера употребления, специфика оформления (скрытая мудрость — «ядро в орехе»).

К середине XVI в. использование русскими писателями достаточно широкого круга теоретических сочинений, связанных с художественным творчеством, достоверно устанавливается на большом материале²⁸; приблизительно в то же время складываются основы первых собственно русских филологических трудов. Это прежде всего Азбуковники, или Алфавиты, — обширные лингвистические энциклопедии. Изучаемые до сих пор как памятники средневековой лексикографии²⁹, они почти не затронуты как источник знакомства древнерусского человека с теорией литературы; едва ли не единственной на эту тему является статья Л.С. Ковтун «Термины стихосложения в русском Азбуковнике»³⁰, где рассматриваются понятия «акростихида», «краегранесие», «анапест», «дактиль» и другие, появившиеся на Руси задолго до позднейшей практики.

Опосредованно Азбуковники помогают понять и жанр притчи; особенно способствует этому теоретическое толкование имени, включенное во все разновидности лексикографического свода. В I редакции Азбуковника особое «Предисловие толкованию имен человеческих» объясняет, почему необходимо понимать их этимологию, прежде всего в канонах: «дабы разумни нам, славяном, были» «имена благочес-

²⁷ *Скарына Ф.* Творы. С. 21–22.

²⁸ См.: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998.

²⁹ См.: *Ковтун Л.С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963; *Она же.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975; *Она же.* Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989; *Леви А.Н.* К истории русской лексикографии середины XVII в. (Изменение азбучного тезауруса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.

³⁰ *Ковтун Л.С.* Термины стихосложения в русском Азбуковнике // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 269–274.

тивная и неблагочестивая, и отпадшая»³¹. Не позднее 1563 г. это «Предисловие» было переработано соратником Максима Грека в филологических и переводческих трудах Нилом Курлятевым³², перенесшим центр тяжести с понимания канонов на их составление³³. Именно в процессе составления канонов на первый план выходит сходная со спецификой притчи проблема символического толкования имени, раскрытия его аллегоричности, скрытого значения. Эта тема еще тщательнее развивается в позднейших (XVII в.) обработках «Предисловия», которое встречается в рукописях уже в качестве самостоятельного памятника с новым заглавием: «Предисловие имени кождо человека, иже от притчи, или от вещи»³⁴.

Притча — своеобразная «массмедиа» средневековой литературы, и понимание ее специфики позволит нам вскрыть многие общие черты художественного творчества Древней Руси. Ее становление как самостоятельного жанра — в разных его модификациях — на русской почве происходит в течение XVI в., который может быть назван веком не только публицистики, но и русской притчи.

В XVII в. положение снова меняется. Под влиянием теорий барокко, где любой творец (поэт, художник, писатель) приравнивается к Создателю, проявляется более свободное отношение к текстам Евангелия, выразившееся, например, в переделке Симеоном Полоцким притчи о блудном сыне в пьесу. Переводятся близкие притче по структуре западноевропейские сборники «прикладов». Важное место начинает занимать жанр повести-притчи — она впервые появляется в XV–XVI вв. («Повесть о старце, просившем руки царской дочери»), но расцвет ее приходится на XVII столетие (повести о царе Аггее, о царе Газие, о Димитрии Римском и др.)³⁵.

Именно в этот период по-новому начинают строиться отношения притчи и беллетристической повести. Речь идет не только о повестях-притчах, но о постоянном «перетекании» сюжетов из одного жанрово-

³¹ Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв. С. 158.

³² Там же. С. 93–94.

³³ Там же. С. 90.

³⁴ Ромодановская Е.К. К вопросу о поэтике имени в древнерусской литературе.

³⁵ См.: Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 38–52; Она же. От цитаты к сюжету. Роль повести-притчи в становлении новой русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. С. 66–75; Она же. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 106–112.

го образования в другое. Любой текст может стать параболой, приобретя параболическую функцию; с другой стороны, и притча может терять свое аллегорическое толкование и таким образом превращаться в обыкновенную повесть. Если, впрочем, с притчами Варлаама это возможно скорее теоретически (пока известен лишь один случай такой потери)³⁶, то в переводных прикладах это стало уже массовым явлением. Так, в «Римских Деяниях» «выклады» сохраняются обязательно, когда «Деяния» переписываются как единый свод, но при выборке отдельных произведений легко исчезают.

Обладая всеми признаками притчи, переводные приклады на Руси тяготеют не к этому дидактико-аллегорическому жанру, а к беллетристике. Недаром Е.М. Мелетинский рассматривает «Gesta Romanorum» прежде всего как источник «сюжетного материала» для «новеллизации» литературы: «Это движение сопровождается отрывом от проповеди... усилением общеэтического пафоса по сравнению со специфически христианским... сближением с фольклорной традицией, нарративным усложнением. <...> При этом остаются „ситуативность“, оценка не столько людей, сколько отдельных поступков, изображение людей как поля применения абстрактных моральных принципов. Живой процесс взаимодействия фольклорной традиции с развивающейся литературой „примеров“, в сочетании с некоторыми другими более или менее случайными источниками, дал жизнь светской новелле в литературе»³⁷.

Отрыв приклада от близкой ему по жанровым приметам притчи объясняется, по-видимому, как временем его появления в русской литературе, так и спецификой бытования. Главная функция сборников прикладов — дать материал проповеднику — оказывалась не востребовавшей на Руси из-за неразвитости публичной проповеди (возрождение ее начинается лишь во второй половине XVII в.); учительную же, дидактическую функцию, которую *exempla* играли в западной литературе, у нас давно и с успехом выполняла притча, несущая, помимо всего, память о высшем образце жанра в живом тексте Евангелия. Для того чтобы «слиться» с притчей, приклады появились слишком поздно.

Но они появились вовремя, чтобы дать толчок развитию беллетристических жанров, потому что, потеряв «серьезные» функции — проповедническую и дидактическую, они превратились прежде всего в сборники занимательного и одновременно поучительного чтения, действительно обогатив русскую литературу, как справедливо писал М.Е. Мелетинский, новым сюжетным материалом. Важнейшая роль

³⁶ РГАДА, ф. 181, № 434, л. 302 об.–307.

³⁷ Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990. С. 52, 60.

притчи заключается не столько в ее дидактичности, сколько в ее многозначности. Свободное толкование текста, характерное для притчевой литературы, воспитывало у читателя многоплановое понимание любого художественного произведения. Именно в этом особое, далеко идущее значение жанра для истории русской литературы, проявившееся не только в Средневековье, но и в Новейшее время.